

А ТЫ КТО ТАКОЙ

«ГАМЛЕТ» ОСКАРАСА КОРШУНОВОСА В БАЛТДОМЕ
рассказывает ДМИТРИЙ РЕНАНСКИЙ

ЭТОТ СПЕКТАКЛЬ может показаться вер-
хом постановочного волюнтаризма, хо-
тя на самом деле он скорее свидетель-
ствует, как тонко молодой лидер литов-
ской режиссуры понимает Шекспира.
Коршуновасу удалось уловить возрож-
денческую метаатеатральность — ведь что
у Шекспира, что у Кальдерона, что у Лопе

де Веги актеру приходится играть роль
человека, играющего роли. Новый виль-
нюсский «Гамлет» (а старый это великий
спектакль Някрошюса) возвращает изна-
чальный смысл затертой формуле «весь
мир театр, и люди в нем актеры» — глав-
ную мировую пьесу разыгрывают в гри-
мерке.

Ключевой элемент сценографии — кон-
структор из дюжины гримировальных
столиков. В них отражаются и множатся
руки Клавдия, мутирующего в паука-ин-
тригана. Из них возводят надгробие для
Офелии, похожее на цветочный ларек с
пластиковыми вазами и искусственными
цветами. Коршуновас свободно игра-
ет с настоящим и ненастоящим: его «Гам-
лет» начинается с выедающего душу флу-
оресцентного зуда ламп дневного света,
наполняющих сцену безжизненно-цинич-
ным мороком.

Гениально поставленная первая сце-
на стоит всего спектакля: сидящие перед
гримировальными столиками спиной к
зрителю артисты пристально всматрива-
ются в свои изможденные лица, перешеп-
тываясь с отражениям и постепенно пере-
ходя на истеричный крик. «Кто ты?», из-
водят они себя вопросом, который шекс-
пировские стражники адресовали приз-
раку отца Гамлета. Коршуновас сходу вы-
травливает из Шекспира всю высокую по-
эзию, обращая трагедию в гиньоль: наши
призраки — мы сами, отцовская тень — за-
кутанный в патанатомический целлофан
труп, вместо призрака за Гамлетом по пя-
там следует гигантская крыса (не взятая
режиссером с потолка, а вычитанная у
Шекспира). «Вы не сойдете с места, пока
вам зеркала не покажу, где станет явным

то, что тайно в вас»: овеществляя в зачи-
не спектакля эту шекспировскую строч-
ку, режиссер намекает на статус «Гамлета»
как театрального зеркала, в которое уже
который век смотрит человечество.

В начале XXI века самоидентифика-
ция затруднена: смотрельцы заигрались,
и понять, где кончается игра и начинае-
тся жизнь, стало решительно невозможно.
Дебютантка Офелия репетирует свое безу-
мие перед примадонной Гертрудой, уста-
ло курящей после отработанного спектак-
ля, и все подряд скрывают свое истинное
лицо под маской белого циркового грима.
Гамлет стирает его со своего пухлого лица
мгновенно постаревшего юноши (и устав-
шего актера с безобразными мимически-
ми морщинами) после встречи с отцом:
он понял свое предназначение, иденти-
фицирует себя с мезьей, его существова-
ние приобрело смысл. Теперь он может не
играть, а жить. В сцене убийства Полония
Гамлет швыряет ему в лицо эти же салфет-
ки, вымазанные в красной краске, в фи-
нале в бутафорской крови из тубика вы-
мазывается Лаэрт, клоун с накладным но-
сом-лампочкой издевательски произно-
сит за Гамлета его последнюю фразу и зак-
рывает главному герою глаза. Финал ожи-
даемый: долгое, мучительно молчаливое
снятие грима.

Балтийский дом, 3 октября 19.00

Есть тело мое

«ИЮЛЬ» ИВАНА ВЫРЫПАЕВА НА «ЗОЛОТОЙ МАСКЕ»
слушает ТАТЬЯНА ДЖУРОВА

ЭТОТ МОНОЛОГ читает Полина Агуреева,
актриса Мастерской Петра Фоменко. Чи-
тает, как он и написан — от лица 63-лет-
него пенсионера Петра, маньяка, безумца
и людоеда.

Ивана Вырыпаева, как и большинст-
во его драматургов-современников, от-
крыла «Новая драма»; однако к ее основ-
ному крылу — почвенников, бытописа-
телей-правдорубов — он никогда не при-
надлежал и поисками «новой естествен-
ности» не увлекался. Зато легко вписал-
ся в другую, западноевропейскую тради-
цию, в ряд поэтов-богоборцев от Мильто-
на и Байрона до Жене и Кольгеса. Демони-
ческие сверхчеловеки Вырыпаева оторва-
ны от земных реалий, не ведают границ
добра и зла, общаются не столько друг с
другом, сколько с космическими начала-
ми типа Любви, Бога, Вечности, Смерти,
все с заглавной буквы. Путь к богочелове-
честву, понятное дело, лежит через гору
трупов, вознесения достоин лишь тот, кто
пал невозможно низко.

На экране и на сцене подобные боль-
шие буквы порой смотрятся невыноси-
мо претенциозно, скажем, в знаменитой
«Эйфории». Но «Июль» — сильный текст,
ритмически выверенный, затягиваю-
щий как водоворот. Сверхчеловеком на-
значен психопат, умирающий в груди соб-
ственного дерьма. Мессианство Петра за-
маскировано обилием физиологических
подробностей и пересыпано равнодуш-
ным матом. Герой путешествует от одно-
го трупа к другому, убивая сначала сосе-
да, потом случайного бомжа и прибуд-
ную собаку, потом приютившего его свя-
щенника, — и в довершение причащается
плоти любимой женщины, чтобы в фина-
ле быть забитым насмерть дурдомовски-
ми санитарями.

Монолог один раз превращается в не-
кое подобие диалога — когда герой, он же
героиня, встречает любовь своей жизни,
тюремную санитарку Жанну-Нелю, «жен-
щину со странными ногами»; за нее тоже
Агуреева. Ближе к финалу на сцене появ-

ляется сам Вырыпаев — в «трехголовой»
роли то ли сыновей Петра, работающих
какими-то скучными дежурными в горо-
де Архангельске, то ли самих архангелов,
явившихся, чтоб забрать его душу.

Режиссер Виктор Рыжаков, уже ста-
вивший вырыпаевские «Кислород» и
«Бытие №2», сделал сюжетом спектакля

московского Театра «Практика» взаимо-
отношения актрисы и текста, превратив
их в приключение. У гармонически-без-
мятежной Агуреевой поток чудовищных
подробностей льется сладостной музы-
кой. Она то продирается сквозь вязкий,
торопливый, ветвистый текст Вырыпае-
ва, то запускает его с разной скоростью
и чередованием ритмов, то чеканит, то
захлебывается, расставляет неожидан-
ные смысловые ударения и в конечном
счете впеваает в одну ослепительную но-
ту, когда кажется, что актрисы уже нет, а
есть только душа маньяка, рвущаяся на
волю. Вдаваясь в подробности расчлене-
ния тел и пожирания любимых конеч-
ностей, актриса остается совершенно не-
уязвимой для ужаса. Ее отстраненность
можно сравнить с бесстрашной виртуоз-
ностью эротомана, а можно — с белькан-
то, технически безупречным, прозрач-
ным, ясным.

*Театр сатиры на Васильевском острове,
3 октября, 19.00*